

Дана Спаркл
Печать дракона

https://litres.ru/74776019
SelfPub; 2026

Аннотация

Ли А Ён — обычная студентка филологического факультета, чей мир состоит из дешевого рамена, ночных подработок в кафе и конспектов по древней литературе. Единственное, что отличает ее от других — способность видеть то, что скрыто: тени демонов в метро, рога на голове сварливых соседей и печать проклятия на собственной душе. А Ён привыкла быть невидимкой, плывущей по течению, пока однажды ночью на пустой станции «Чхондам» ее не находит он.

До Хён — наследник рода Лазурных Драконов, хранитель Восточного моря, запертый в человеческом теле на триста лет. Он богат, невыносимо высокомерен, занимает всю ванную и сжигает микроволновки силой мысли. Согласно древней клятве, он обязан защищать род А Ён, но вместо благодарности девушка видит в нем лишь ходячую катастрофу с идеальным прессом.

Дана Спаркл
Печать дракона

Название: Нефритовая печать дракона
Жанр: Городское фэнтези, романтика, дорама

Глава 1. Ошибка в расписании

Сеул никогда не спит, но в три часа ночи станция метро «Чхондам» выглядит как декорации к фильму ужасов. Ли А Ён поправляет очки с толстыми линзами, прячет нос глубже в воротник дешевого пальто и молится, чтобы автобус до Пангё пришел вовремя. У нее завтра промежуточный экзамен по древней корейской литературе, а сон — это непозволительная роскошь для студентки, которая оплачивает учебу, работая в круглосуточном кафе.

Ветер на платформе внезапно стихает. А Ён поднимает глаза. Напротив стоит он.

На нем идеально скроенное пальто, которое стоит как ее годовая аренда комнаты в вонсане. Но дело не в одежде. От него исходит физически ощутимый жар, словно он стоит слишком близко к батарее. Его глаза — главная аномалия. Обычно у людей радужка темнеет от злости или светлеет от радости. У этого парня зрачки в тусклом свете фонарей на мгновение вспыхивают расплавленным золотом.

— Вы заблудились? — спрашивает А Ён, потому что тишина становится оглушающей. — Станция закрыта на дезинфекцию. Последняя электричка ушла час назад.

Парень медленно поворачивает голову. Его движение слишком плавное, нечеловеческое.

— Я знаю, — его голос звучит как камертон, вызывая у А Ён странную вибрацию в зубах.

— Я ждал именно тебя, Ли А Ён. Та, что видит то, чего не замечают другие.

А Ён инстинктивно делает шаг назад. Она действительно видит то, чего не замечают другие: например, как профессор истории на лекции отбрасывает тень в форме змеиного хвоста, или как у сварливой соседки по утрам растут крошечные козьи рога, которые она маскирует под начес. Но этот парень — совсем другой уровень угрозы.

— У меня нет денег, — на всякий случай говорит она, нащупывая в кармане холодный металл. — Только это.

Она достает брелок — дешевую фигурку нефритового дракона, купленную на уличной распродаже в Инсадоне. Глаз дракона на брелоке внезапно вспыхивает тем же

золотым светом, что и глаза незнакомца.

Воздух между ними сгущается. Парень делает резкий вдох, словно его ударили под дых. Золото в его глазах сменяется яростным алым.

— Не смей... — начинает он, но договорить не успевает.

С потолка станции срывается лампа. А Ён даже не успевает закричать, как сильные руки сгребают ее в охапку, прижимая к горячей, как печь, груди. Мир вокруг смазывается в зеленую полосу. На А Ён обрушивается запах мокрого камня и чего-то дикого, древнего, похожего на запах грозы в сосновом лесу.

Когда ее ноги касаются твердой земли, они стоят на крыше библиотеки университета

Ёнсе. Внизу, в четырехстах метрах под ними, спит город.

— Отпусти меня, псих! — А Ён бьет кулаками по его каменным плечам. — Я вызову полицию!

Парень отстраняется. Его идеальная прическа растрепана, а на скуле наливается синевой след от ее кольца. Он смотрит на нее сверху вниз, и в его взгляде теперь нет золота — только холодная, аристократическая ярость.

— Меня зовут До Хён. И я только что нарушил Первый закон Небесного Двора, показав свою истинную форму смертной.

— Какой еще двор? Какую форму? — шипит А Ён, потирая запястье. — Если это розыгрыш для шоу, то он не смешной.

До Хён медленно выдыхает. Пар изо рта не идет, хотя на крыше минус десять.

— Ты носишь Печать Спящего, — говорит он, кивая на ее брелок. — Настоящую. А я — До Хён, последний из рода Лазурных Драконов, хранитель Восточного моря. И я заперт в человеческом теле уже триста лет из-за клятвы, которую нарушил мой предок.

Он протягивает руку. Его пальцы длинные, с аккуратными крепкими ногтями.

— Твой предок украл у моего небесную жемчужину, — продолжает он. — Чтобы искупить вину, мой род должен служить твоему роду вечными телохранителями.

А Ён смотрит на его руку, потом на свои стоптанные кроссовки.

— То есть, — медленно произносит она, — ты

— дракон-нянька?

До Хён опускает руку. Его лицо каменеет.

— Я — наследник стихии. А ты, Ли А Ён, — моя главная головная боль.

В этот момент снизу, из темноты университетского парка, доносится протяжный, леденящий кровь вой. Но воет не собака. Звук вибрирует на низкой частоте, от которой трескается лед в лужах.

Глаза До Хёна снова начинают наливаться опасным алым светом.

— Они нашли тебя быстрее, чем я думал, — тихо говорит он. — Демоны Искажения. Они чуют Печать.

— Я даже не знаю, что это такое! — паникует А Ён.

— Узнаешь, — До Хён снимает свое дорогое пальто и накидывает его на ее плечи. Ткань все еще хранит его обжигающее тепло. — Потому что теперь ты — моя проблема. А я очень не люблю, когда мои проблемы пытаются сожрать до рассвета.

Он берет ее за руку. Его ладонь обжигает сквозь перчатку.

— Держись за меня. И молись, чтобы твой автобус в Пангё никогда не пришел.

Глава 2. Общежитие с видом на преисподнюю

До Хён оказывается идеальным соседом по комнате, если не считать трех вещей.

Во-первых, он отказывается спать на полу, аргументируя это тем, что «последний

Лазурный Дракон не будет ютиться на одеяле, как ронин».

Во-вторых, он сжег ее микроволновку, пытаясь подогреть в ней кимчи. По его словам, металл «оскорбляет его драконью ауру».

В-третьих, он — магнит для сверхъестественного.

Их крошечная студия в районе Синчон превращается в проходной двор.

В понедельник утром, пока А Ён пытается сварить рамен, из слива раковины появляется голова водяной каппы и вежливо просит одолжить полотенце. До Хён выдергивает пробку с такой силой, что каппу засасывает обратно в канализацию.

— Не обращай внимания, — говорит он, намазывая тост клубничным джемом. — Мелкая нечисть. Ищут, где чище.

Во вторник их лекцию по философии прерывает профессор, который на середине слова «экзистенциализм» отращивает три пары паучьих лапок. До Хён, не вставая из-за стола, щелкает пальцами. Профессор икнув, возвращает себе человеческий облик и начинает заикаться.

— У него экзистенциальный кризис, — шепчет До Хён А Ён. — И неупокоенный дух прабабушки в левом кармане. Я ее отпустил, не благодари.

А Ён учится выживать. Она покупает мешок риса (До Хён говорит, что демоны боятся неочищенного зерна), учится заваривать чай с полынью и, самое главное, начинает замечать. Очки с толстыми линзами больше не нужны. Мир вокруг нее обретает пугающую четкость. Она видит, как по ночам небоскребы Сеула опутывает невидимая для

людей паутина скверны, а в метро ездят бледные тени тех, кто продал свои сны за успех.

Но главная проблема — сам До Хён.

Он невыносим. Он критикует ее манеру держать палочки. Он занимает всю ванную, наполняя ее паром, в котором А Ён иногда видит призрачный силуэт огромного змея, плавающего под потолком. Он спит обнаженным, потому что «человеческая одежда душит его чешую», и А Ён приходится стучать три раза, прежде чем войти, чтобы не увидеть то, что изменит ее психику навсегда.

И он ее бесит. Своей отстраненностью, своим ледяным превосходством, тем, как он смотрит на нее — не как на девушку, а как на хрупкий, но невероятно ценный артефакт,

который нужно доставить в музей в целости и сохранности.

— Почему ты мне помогаешь? — спрашивает она однажды ночью. Они сидят на крыше ее общежития. До Хён смотрит на огни Ёыйдо, а его силуэт на фоне луны кажется слишком резким, слишком правильным.

— Из-за клятвы, — бросает он, не оборачиваясь.

— Врешь, — говорит А Ён. Она научилась чувствовать его ложь — от него начинает пахнуть жженой бумагой. — Триста лет — долгий срок. Ты мог давно найти способ разорвать печать. Почему ты до сих пор служишь роду, который, по-твоему, тебя предал?

До Хён долго молчит. Ветер треплет его

волосы.

— Когда мой предок падал с небес, пронзенный небесным копьем, — голос дракона становится глухим, — его спасла смертная женщина из твоего рода. Она вытащила копье из его груди своими руками. Она умерла от яда через три дня. Но перед смертью она сказала, что в его глазах больше нет ярости зверя. Только одиночество.

Он поворачивается к А Ён. В лунном свете его глаза кажутся почти черными.

— Я служу не клятве, А Ён. Я ищу в тебе ее лицо. Но ты слишком громко хрустишь чипсами и постоянно жалуешься на жизнь. Это... мешает.

А Ён запускает в него недоеденным пакетом чипсов. До Хён ловит его мизинцем, не

отрывая от нее взгляда. Уголок его губ едва заметно дергается вверх.

В этот момент в их кармане одновременно вибрируют два телефона.

Сообщение от неизвестного номера.

Текст состоит всего из четырех иероглифов, написанных каллиграфией цвета запекшейся крови:

«Печать падет в полнолуние. Приходи в Старый Дворец. Один».

Золото в глазах До Хёна вспыхивает так ярко, что освещает их лица в темноте сеульской ночи.

— Кажется, — тихо говорит дракон, поднимаясь на ноги и протягивая ей руку, — твоя скучная жизнь студентки официально

закончилась.

А Ён смотрит на его ладонь, все еще помня обжигающий жар его кожи, и понимает, что впервые в жизни не боится опоздать на экзамен. Она боится только одного: что когда этот ледяной дракон наконец-то улыбнется ей по-настоящему, ее сердце, о существовании которого она почти забыла за учебниками, разлетится на тысячу нефритовых осколков.

Глава 3. Павильон, где плачут ивы

Старый Дворец Кёнбоккун ночью — это не туристическая открытка. Это каменный лабиринт, где тени от ворот Тэханмун кажутся живыми, а эхо шагов отдается от спящих павильонов гулким, тревожным шепотом.

До Хён идет впереди, и его идеально скроенное пальто выглядит здесь неуместно, как фальшивая нота в старинной сонате. А Ён кутается в его же шарф, который все еще хранит запах озона и чего-то пряного.

— Почему один? — шепчет она, стараясь ступать след в след, чтобы не наступить на грабли для листьев, оставленные смотрителями. — Это же очевидная ловушка.

— Ловушка для идиотов, которые приходят с армией, — ровно отвечает До Хён. — Демоны Искажения питаются страхом и численным превосходством. Если мы придем вдвоем, они соберут целую дивизию из наших кошмаров. А я один... я для них просто изысканный ужин.

— Очень обнадеживает, — бормочет А Ён, сжимая в кармане нефритового дракона. Брелок теплый, почти горячий.

Они сворачивают к пруду Хянвонджон. В полнолуние вода кажется черной, густой, как смола. Посреди пруда на маленьком островке стоит павильон, к которому ведет изящный каменный мост. Именно там, под плакучими ивами, их ждут.

Фигура отделяется от тени ивы. Это женщина в ханбоке цвета увядшей гортензии. Ее лицо скрыто в тени широких рукавов, но А Ён чувствует ледяной холод, который исходит от нее. Это не просто холод осенней ночи — это холод забытой могилы.

— Лазурный Змей, — голос женщины звучит как шелест сухой листвы. — Ты привел свою

хозяйку. Как неучтиво.

— Пламя Заката, — в голосе До Хёна нет ни страха, ни почтения. Только смертельная усталость. — Ты нарушила перемирие. Демонам запрещено ступать на земли Дворца.

Женщина смеется. Смех обрывается сухим кашлем. Она делает шаг вперед, и лунный свет падает на ее лицо. У нее нет зрачков — только сплошная, мутная белизна бельм. Но А Ён видит сквозь эту слепоту. Она видит, что внутри глазниц женщины клубится черный дым.

— Перемирие? — переспрашивает Пламя Заката. — Твой род сам его расторг, когда спрятал Жемчужину. Мы просто пришли забрать свое. И отдать дань уважения твоей

клятве.

Она щелкает пальцами. Камни на дне пруда приходят в движение. Вода с тяжелым, чавкающим звуком начинает подниматься, формируя гигантские, пульсирующие черные пузыри. Из них проступают лица — искаженные, с слишком широкими улыбками и лишними суставами на пальцах. Демоны Искажения.

— Печать, — шипит демонесса, поворачивая свои слепые глаза к А Ён. — Отдай ее, девочка. И твой дракон станет свободен. Он сможет вернуться в море. А ты сможешь вернуться к своим книжкам и дешевому кофе. Разве ты не хочешь от него избавиться? Он же невыносимый сноб.

А Ён чувствует, как До Хён напрягается за ее

спиной. Это правда. Самый страшный кошмар А Ён — это не демоны. Это перспектива прожить остаток жизни, работая в кафе, пока ее сверстники строят карьеру. А До Хён, со всей его ледяной броней и божественным происхождением, — самое яркое напоминание о ее ничтожности. Демонесса бьет в самое больное.

— Она не отдаст, — голос дракона становится ниже, в нем появляются рокочущие, подземные нотки. — Потому что она не такая трусиха, как ты думаешь.

Воздух вокруг До Хёна начинает дрожать. Его силуэт размывается.

— А Ён, — говорит он, не оборачиваясь, и в его голосе больше нет ни капли человеческого. — Закрой уши.

Пространство разрывает звук. Это не рев и не рык. Это звук ломающихся гор, стон тектонических плит, пробуждающихся ото сна. Тень за спиной До Хёна перестает быть человеческой. Она разрастается, закрывая собой луну, и А Ён видит его — настоящего. Огромного, цвета штормовой волны, с гребнями из острого как бритва льда, бегущими вдоль позвоночника. Его глаза — два солнца, столкнувшихся в пустоте.

Демоны в пруду воют. Их черные тела плавятся, не выдерживая давления первобытной мощи.

Но До Хён пошатнулся. Чешуя на его призрачном теле идет трещинами, из которых сочится не кровь, а золотистый свет.

— Триста лет... — хрипит он, и этот голос звучит одновременно у А Ён в голове и

отовсюду вокруг. — Слишком долго для одной формы. Я могу не вернуться, А Ён.

Пламя Заката визжит. Она понимает, что проигрывает, и переходит в контратаку. Она вскидывает руки, и из рукавов ее ханбока вылетают черные ленты, сплетенные из людских кошмаров. Они устремляются не к дракону — они летят к А Ён.

Ленты проходят сквозь иллюзорное тело дракона, не замечая его. Они целятся в смертную.

А Ён не думает. Инстинкт, о котором она не подозревала, выбрасывает руку вперед.

— Убирайся! — кричит она, и это не человеческий крик. В ее горле вибрирует та же сила, что заставляет цунами разбиваться о скалы.

Нефритовый дракон в ее кармане взрывается слепящим белым светом.

Черные ленты рассыпаются в прах. Пламя Заката отшатывается, ее слепые глаза впервые выражают эмоцию — чистый, животный ужас.

Свет окутывает А Ён. Она чувствует, как что-то древнее, спавшее в ее крови со времен первого императора, просыпается. Нефритовая печать на ее душе, о которой говорил До Хён, не просто блокировала ее зрение. Она была замком на ее собственной силе. И этот замок только что сорвало.

Она открывает глаза.

Вокруг нее кружит вихрь из золотистых и

лазурных искр. Демоны в пруду испарились. Пламя Заката стоит на коленях, прижимая руки к груди.

А До Хён... До Хён стоит на каменном мосту, тяжело опираясь на перила. Он снова в человеческом теле. Его пальто разорвано в клочья, на бледной шее и руках проступают угасающие, светящиеся синим узоры вен. Он задыхается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.